

**ТРЕВОЖНАЯ
ВЕСНА 45-го**

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

ПАЛАЧ ПРИХОДИТ НОЧЬЮ

МОСКВА 2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Палач приходит ночью / Валерий Шарапов. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-210589-0

Тело некогда красивой женщины лежало на полу. Сейчас оно напоминало разделанную мясником тушу: рука отрублена, голова размозжена, ноги переломаны. На двери — припиленная ножом записка: «Так будет с каждым!»

Война давно закончилась. Но на Западной Украине не стихают бои. Непримиримые националисты всеми силами стараются досадить Советской власти. Самым жестоким среди них прослыл неуловимый главарь по прозвищу Звир.

Оперуполномоченный отдела по борьбе с бандитизмом Иван Шипов уверен: смерть женщины — агента НКВД — дело рук Звира. У Шипова с этим отморозком давние счёты. Пока что палачу удавалось уходить от возмездия. Но в этот раз бандеровец должен намертво вцепиться в приманку. Это особый «подарок», который приготовил ему Иван...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-210589-0

Часть первая ПОДПОЛЬЩИКИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Звиру очень хотелось выстрелить. Притом не в лоб, а в какую-нибудь менее существенную часть тела, чтобы было очень болезненно, но не слишком опасно для жизни. А потом, в более подходящей обстановке, устроить мне что-нибудь совсем уж экзотическое, вроде сдирания с еще живого кожи. В таких делах он был признанный специалист.

В просторном помещении уютно потрескивал камин. Меня слегка покачивало, ребра болели. А Звир все целился. И в глазах, как всегда безумных, жила вечная жажда бесконечной власти над людьми, которую дают только чужие страдания и смерть. И ему стоило немалых усилий сдерживать себя.

— Ну вот, коммунячка, и конец тебе пришел... — Его палец потянул спусковой крючок «Люгера».

В стороне стояли Купчик и Оглобля — так их прозвали с детства. Сейчас даже и не знаю, как их именовать: клички бандеровцы меняют в целях конспирации постоянно.

Купчик, моя заноза еще с давних детских времен, теребя ремень карабина, жадно взирал на происходящее и радостно лыбился. Он тоже надеялся на то, что в скором времени я схожну в мучениях. Ему хотелось, чтобы я вопил, ползал на коленях. Чтобы слюной изошел. Но его устраивало и то, что меня сейчас просто продырявят. Это был его счастливый день.

Оглобля, тоже старый мой недруг, но куда умнее и расчетливее своих подельников, был напряжен. Хорошо заметно, что и экзекуция, и ситуация его сильно тревожат. Больше всего ему хотелось сейчас очутиться от этого заброшенного хутора как можно дальше. Он до белизны сжимал в пальцах автомат, направив ствол в мою сторону, будто опасался, что я сейчас издам молодецкий клич да раскидаю всех, порву на клочки.

Холодный ствол «Люгера» уперся мне в лоб. Потом пополз ниже, уткнувшись в плечо. И на лице Звира появилось счастливое выражение.

А ведь эта сволочь сейчас, забыв обо всем, все же выстрелит! Не сдержится! Как же тяжело с вами, психопатами!

И грохнул выстрел!

Вот же проклятые нацистские твари! Когда я впервые ощутил, что нам не по пути и что драться с ними придется всю жизнь? Да кто знает. Наверное, когда мне было тринадцать лет. За школой, в садике, где мы прогуливались на переменах. И тогда напротив меня стоял Купчик — прям как сейчас...

ПАЛАЧ ПРИХОДИТ НОЧЬЮ

ГЛАВА ВТОРАЯ

Купчик с раннего детства был похож на крысупасюка: вытянутая морда, весь поджарый, глазубусинки — злые и бегающие. И тарачился на меня он с ненавистью. Почему? Повода вроде бы я для такого сильного чувства не давал.

Он был сыном местного частного торговца, я — сельского кузнеца. Родители наши в Бортничах и окрестностях люди примечательные и известные, только по-разному. Один — мироед и сквалыга, опутавший село долговыми расписками. Другой — трудяга, не наживший добра, но всегда готовый помочь людям и словом, и делом. Недолюбливали наши семьи друг друга, но видимой вражды не проявляли. Точнее, вражда все же постепенно зародилась из диаметрально противоположных взглядов на жизнь и однажды вылезла на свет в задиристой мальчишеской перепалке.

За бревенчатым, приземистым, знавшим лучшие времена, а ныне полуразвалившимся зданием сельской школы имелась утоптанная земляная площадка, а за ней — густые смородиновые кусты, тропинка к ручью, заросшая лопухами, крапивой и диким кустарником. Здесь мы обычно бесились на переменках, в стороне от учительских глаз. Гоняли футбольный, набитый тряпками, самодельный кожаный мяч. Тут же выясняли отношения и выплескивали детские обиды. И даже курили самокрутки с самосадам, желая ощутить себя взрослыми.

Здесь мы и схлестнулись с Купчиком. Наши былые приятельские отношения остались в прошлом. И трещина между нами прошла идеологическая, как ни глупо это звучит для мальцов.

Стоя в окружении своих прихвостней, Купчик процедил обидные, подлые и явно не свои слова:

— Вот власть у поляков скоро отнимем. Тогда всех вас, прихвостней большевистских и всяких пролетариев, на деревьях развесим. Будет вас ветер качать!

Тут я ему нос и расквасил, а заодно по уху его защитнику, высокому и жилистому Оглобле, съездил. Хорошо получилось. Душевно. Они даже ответить всерьез не сумели, потому как рука у меня, сына кузнеца, постоянно помогающего отцу в кузне, не по возрасту тяжелая.

Это уже была не обычная мальчишеская потасовка. Это было мое первое идейное сражение.

Особенно почему-то задело это брезгливое «пролетариев». Я вообще-то гордился, что сам из пролетариев. Даже, можно сказать, из пламенных большевиков. Во всяком случае, к отцу все это можно было отнести в полной мере. Он был большевиком и по убеждениям, и по причастности. А Купчик и его семья горячо ратовали за Западную Украину, «свободную от жидов, большевиков и поляков».

Хотя в нашем селе, да и в ближайшем к нему тихом небольшом городишке Вяльцы особо остро национальный вопрос не стоял. У нас испокон веков простые поляки, русские, евреи, украинцы, имено-

ПАЛАЧ ПРИХОДИТ НОЧЬЮ

вавшие себя не иначе как русинами, жили мирно, если не считать мелких соседских склок. Разговаривали между собой на дикой смеси русского, украинского, идиша и польского. Национальностью никто никого не попрекал. Вон, на той же Львовщине даже в быту такая ненависть тлеет, что поляк на хохла злыднем смотрит, а еврей — так вообще их общий враг. У нас в Полесье народ куда терпимее друг к другу. И озабочен всегда был больше тем, как выжить в «Великой Польше», которая все никак не сгинет. Жизнь в ней была голодная, к простому народу не расположенная.

Зато польское начальство у нас ненавидели все дружно. И было за что. Гордые шляхтичи все свои экономические неурядицы пытались покрыть за счет украинцев. Их нещадно вытесняли с земель, которые предки пахали веками, туда заселялись поляки, в основном ветераны, многие наделы передавались польским помещикам. Народ в ответ за вилы брался. Приезжали солдаты. Стреляли. Забирали бунтовщиков в тюрьмы, а то и казнили.

И все равно простой народ национальностью у нас не мерился. До тех пор, пока в селе не появился учитель Василь Молчан, которого мы прозвали Химиком. Он преподавал всякие точные науки, но химия была его основным предметом. Вечно улыбочивый, сладкоголосый и страшно убедительный, он постепенно очень умело вливал нам в уши: Западная Украина — центр Мироздания и благословенная

земля. Вокруг же живут нелюди, которые не дают украинцам построить рай земной и все время ее оккупируют: то Австрийская империя, то Российская, а вот теперь, по Рижскому договору 1921 года, тут правит одолевшая большевиков в кровавой двухлетней войне Польша.

Однажды, наслушавшись от него сказок о будущей Свободной Украине с кисельными берегами и молочными реками, я впечатлился до крайности и тут же вывалил все эти идейки отцу.

Тот даже не разозлился, а посмотрел на меня с какой-то скорбной жалостью и некоторой растерянностью:

— Свободная Украина — для украинцев. Это, скажу я тебе, сынок, дичайшее мракобесие.

— Почему? — даже обиделся я, поскольку выходило, что я тоже мракобес, хотя, как все дети, считал себя сильно умным.

— Это все отжившие свое игрушки. Наследие былого. Я так тебе скажу. В мире есть алчные эксплуататоры. А есть эксплуатируемый трудящийся народ, который должен взять свое и обустроить не какую-то национально однородную Украину. Он должен обустроить весь мир.

— Когда это еще будет? — не унимался я.

— Скоро... Наверное, — не так уверенно добавил отец. — А все эти карликовые якобы свободные государства — они не что иное, как орудие буржуазии для разобшения трудящихся и увода от классовой борьбы. Так что с этими гниловатыми идейками

ПАЛАЧ ПРИХОДИТ НОЧЬЮ

нам не по пути. Любой оголтелый национализм — враг большевизма.

Авторитет отца был для меня непререкаем. И воспринял я эти слова очень серьезно. Всей душой был готов принять, что наш народ однажды скинет буржуев со своей шеи, забудет о национальной вражде, станет брататься, вне зависимости от языка и крови. Только со временем уверенность эта сильно ослабла. Ведь националистических агитаторов становилось все больше. И я видел, как от одного упоминания о «Свободной Украине для украинцев» глазки некоторых односельчан радостно загораются, а от речей о диктатуре пролетариата и колхозах как-то сразу тухнут или отсвечивают подозрительностью. Это что же получается: наши люди за национальную свободу головы сложить согласны, а за диктатуру пролетариата — не особенно?

После той потасовки около школы мои противники долго боялись с разбитыми физиономиями на люди показаться. А к отцу пришел разбираться отец Купчика.

О чем они там говорили — не знаю. Но досталось мне по первое число. Правда, отец ни разу нас рукой не тронул. Однако сам голос его мог как воодушевлять, так и замораживать. Отчитал меня он так строго, что я готов был сквозь землю провалиться, а потом со вздохом произнес:

— Руки, сын, никогда не распускай первым. Если донести свою мысль словами не можешь, горячая рука только хуже сделает.

— Но он же враг? — все не мог уgomониться я.

— А после оплеухи другом стал? Можно и руками махать, и стрелять, но для этого причина очень веская должна быть, а не детские обиды. Понял?

— Понял я все. Не буду больше, — сказал я искренне, потому как слово отца почитал за мудрость в последней инстанции.

Правда, мою уверенность поколебал старший брат, который после моего разговора с отцом прошептал заговорщически:

— Да правильно ты ему врезал. Молодец.

В общем, вынес я из той истории урок — бить стоит не когда тебе этого хочется, а когда очень надо. Вот только как это «надо» вовремя и правильно распознать?

Недрузи теперь обходили меня стороной. Была у них шальная мысль гуртом навалиться, но подсчитали, что дорого обойдется. Отныне малолетние украинские националисты тихо жили своим узким кружком, секретно обсуждали друг с другом и с Химиком очень важные вопросы и все время заговорщически переглядывались, как будто уже решили, когда будут брать власть, гнать поляков и евреев. Выглядело это несерьезно. Но на деле все оказалось очень серьезным. Долго потом этот поганый кружок люди недобрым словом поминали.

Впрочем, заговоров, секретов и в нашей семье хватало. Отец давно был членом запрещенной в Польше Коммунистической партии Западной Украины — КПЗУ. Со временем в нее вступили

ПАЛАЧ ПРИХОДИТ НОЧЬЮ

и мои старшие братья. А меня на очередном тайном заседании приняли в комсомол. Вообще, комсомольцев и большевиков в Бортничах и Вяльцах насчитывалось около полусотни человек — достаточно крепкая организация.

В четырнадцать лет со школой я закончил. Стал помогать отцу в кузне, заодно пристроился учеником в мастерскую по ремонту сельскохозяйственной техники. Погрузился с головой в комсомольскую работу: занимался агитацией, распространял листовки, выполнял отдельные партийные поручения. Считал себя опытным подпольщиком и ничего не боялся.

А зря не боялся. Иногда бояться полезно...

Пуля вжикнула где-то совсем рядом. Это был первый раз, когда в меня стреляли. И я буквально всем телом ощутил холод смерти, прошедший совсем неподалеку. И понял, что сейчас меня могли, да и должны были убить...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Да, смертельный холод от выстрела из полицейского карабина тогда прошел надо мной и ушел в сторону, не в силах развеять овладевший мной лихой азарт.

По партийным поручениям не раз доводилось мне выезжать из родного села, передавать товарищам по борьбе записки или сообщения на словах. Были задания и поопаснее.

Польские власти давили большевиков нещадно. Кидали в тюрьмы, не скупясь на длительные сроки. Немало коммунистов томилось в казематах. Вот и приходилось мне разными способами передавать туда весточки или получать оттуда сообщения. Интересно было. Кровь будоражила близкая опасность. И охватывало пьянящее, упоительное осознание своей личной значимости.

В тот день я подобрал брошенный из тюремного зарешеченного окна, выходявшего на площадь, камешек с запиской. Вот только недооценил то, сколько вокруг трется шпиков и полиции. Послышалась отчаянная переливистая трель свистка. Я успел схватить сообщение и сделал ноги.

За мной бухали тяжелые полицейские сапоги. Сбивая дыхание, я мчался по мостовой. При этом воспринимал все как забавное приключение, эдакое спортивное мероприятие. Я же юный и сильный. Весь мир принадлежит моей отчаянной молодости и бурлящей энергии. Что со мной может случиться, с самым ловким и быстрым?

Тут бухнул выстрел.

Переживать у меня времени не было. Я припустился еще быстрее. Вот только свистки теперь переливались трелью со всех сторон — меня брали в клещи. Вырисовывалась мрачная перспектива попасть в лапы врагов, и даже не обязательно живым.

Спасло то, что я всегда чтил старших товарищей и их уроки. А они напутствовали: перед любой, даже самой незначительной акцией надлежит тщатель-

ПАЛАЧ ПРИХОДИТ НОЧЬЮ

но изучить местность и присмотреть пути отхода. Я юркнул в заранее приглянувшийся тупик. Кошкой забрался на крышу. Распластавшись там, ехидно смотрел, как мечутся по улицам полицаи в поисках меня, преданного бойца мировой революции.

Вернулся я после этого задания здоровый, немного испуганный, но довольный собой. Впрочем, мне хватило соображения прикусить язык и не распространяться о своих приключениях. Только брату сказал, и мы оба решили, что отца информировать не обязательно.

Однако отец все узнал. Собрал на семейный совет всех, кроме матери. Лицо его было бледное и злое.

— Тебя пристрелить могли, Иван!

— Да плевое дело, — хорохорился я. — Было бы о чем переживать.

— Нет плевых дел! Есть наплевательское отношение!

Братья были пунцовые. Ведь это они подбили меня на задание. Хотя дело и правда казалось плевым, но ведь могло окончиться плохо.

— Если ввязался в авантюру, так продумывай все! — напирал отец. — А пока запрещаю тебе все эти подвиги! Подрасти! Поумней!

— А как же долг комсомольца?! — обиженно воскликнул я.

— Придумаем, как его выплачивать, — усмехнулся отец. — И не обязательно для этого совать голову льву в пасть!

Говорил он все это якобы грозно, но больше с надеждой. С тщетной надеждой. Он нас так воспитывал — быть стойкими бойцами. И в клетке его страхов за нашу судьбу удержать нас вряд ли было возможно.

Сам отец с детства был именно таким бойцом. Охочий до знания, умеющий работать руками, он быстро дослужился до мастера на заводе во Львове. Будучи одержимым идеей справедливости и равенства, вступил в КПЗУ, стал активным функционером. После массовых стачек и столкновений с полицией, а также голодных крестьянских выступлений, в которых принимал непосредственное участие, едва не был схвачен полицией. Пришлось срочно бежать из Львова. Осели мы в Бортничах, где у мамы родня.

Жили сперва очень тяжело. Это было начало тридцатых, только стал отступать страшный голод, косивший и Польшу, и соседние страны. Но мы выжили. Отец пристроился на первых порах на заводе в Вяльцах, а потом ему досталась от маминой родни кузница.

Партийную деятельность он не оставил. Приступил к формированию партийной, а затем и комсомольской подпольных ячеек. Уставший от панского произвола народ большевикам сочувствовал, так что ячейка укреплялась. Их заседания чем-то напоминали коллективные молитвы. Только «прихожане» не просили Бога о прощении грехов, а призывали на Западную Украину всемогущий СССР и добрую

ПАЛАЧ ПРИХОДИТ НОЧЬЮ

советскую власть. Заодно читали воззвания, партийную литературу, грезили, какая светлая жизнь настанет без панов.

Мне в селе нравилось куда больше, чем во Львове. Здесь мы не ютились в крохотной квартире, а имели просторный дом. Здесь вокруг простирались раздолья, дремучие леса, которые наполняли меня величественной земной силой. Здесь у нас была кузня. И я был счастлив, когда не только видел, как из грубых заготовок появляются прекрасные предметы, но и сам участвовал в процессе. Вообще, природа и металл — в этом было для меня свое личное счастье.

А вот с учебой сперва было совсем плохо. Паны наше село не любили, считали его рассадником большевистских настроений. До революции здесь была церковно-приходская школа, но православная церковь сторе́ла, школу закрыли, а грамотность подрастающего поколения не интересовала никого.

Читать-писать меня научили родители и братья в раннем детстве. Но образование — это все же несколько большее. Отец считал, что мы обязаны стать образованными людьми. Мечтал, что когда-нибудь дети получают высшее образование.

Однажды двери школы распахнулись. И по хатам стал ходить болезненно худой, бледный молодой человек, представившийся новым учителем Станиславским. Он зазывал детей в школу. Самое интересное, никто его туда не назначал, учить

он собрался за собственный счет. Но тут проснулась местная власть и все же выделила какие-то средства.

Семен Станиславский был сбежавшим в село подальше от полицейского надзора социалистом. Читать, считать учил качественно, детишек любил, не забывал агитировать за справедливость и социализм. Власти спохватились, что неизвестно кто учит детей неизвестно чему. Станиславского, с учетом его авторитета у местных жителей, трогать не стали. Но прислали еще двоих. Директора, ярого польского националиста. И Химика — отпетого националиста украинского. Первый страдал формализмом, крайней строгостью и чванством. Второй, вкрадчивый и сладкоголосый, профессионально запудривал детям мозги о грядущей свободной и счастливой Галиции.

Потом в селе появился еще один представитель племени радикальных украинских националистов, да еще какой колоритный. Это был Юлиан Юстианович Спивак, но все его звали Сотником. Необъятный в объёме, с вислыми запорожскими усами, в вечных папахе, гимнастерке, галифе и до блеска вычищенных офицерских сапогах. Он в одиночку мог взвалить на плечо толстое бревно, которое под силу не меньше чем двум крепким мужичкам. Но главная сила его была не в литых мышцах, а в длинном языке. Ох, умел он интересно и доходчиво, хотя и немного косноязычно, говорить, собирая вокруг себя односельчан. А уж рассказать

ПАЛАЧ ПРИХОДИТ НОЧЬЮ

ему имелось о чем. Жизнь его была полна самых необычных поворотов и приключений.

Еще в Первую мировую войну он дослужился до поручника «Украинского добровольческого легиона». Их называли еще сечевыми стрельцами и верными янычарами Австрии. После краха Австро-Венгерской империи он прибил к петлюровцам, где командовал казачьей сотней. Потом ненароком оказался в Польше. Сначала служил на панов, даже повоевал против СССР, а потом взялся бороться с ними. Вступил в радикальную украинскую националистическую организацию. После очередной боевой вылазки прятался. Его гнала полиция, как волка, а приютил в селе мой отец. Они давно по подпольным делам сошлись, когда Сотник еще думал, к кому прибиться — к социалистам или националистам.

Сначала Сотник жил у нас, все больше по подвалам и погребам. Боялся преследователей. Потом что-то поменялось, и он вылез на свет божий. Прикупил себе хату рядом с нами. Никто не видел, чтобы он где-то работал, но в средствах не стеснялся. Время от времени куда-то выезжал. И всегда возвращался, хотя отец говорил каждый раз:

— Вряд ли теперь вернется.

Они с отцом любили вечером за наливочкой поговорить на общемировые темы. Сам Сотник широтой и глубиной образования похвастаться не мог, все его изречения были просты и категоричны; отец же, наоборот, был глубоко образован и не

терял надежды перетянуть собеседника на нашу сторону.

— Ты человек искренний и неравнодушный, — говорил отец. — За справедливость. За народ. И всего себя посвятил какой-то свободной Западной Украине, которую выдумали поляки, австрийцы и грекокатолики, чтобы русский дух в этих землях изжить. Сколько тысяч русинов австрияки казнили и в лагерях под лозунги об этой свободной Украине сгноили?

— Свободную Украину никто не придумывал, — отвечал Сотник, хмуясь. — Она сама возрастает на обломках империй. Наш народ жаждет свободы.

— Да миф же это все!

— То не миф. То народное устремление. И то наше будущее, — обижался Сотник и тянулся за рюмкой с настойкой, которую опрокидывал, не замечая вкуса.

Сдвинуть его с позиции не удавалось даже на сантиметр. Он с упорством сектанта держался за бредни, которые вещали фанатичные униаты и упертые националисты, хотя сам и тех и других недолюбливал.

Пацаны вертелись вокруг Сотника, который захватывающе рассказывал о подвигах козаков да гайдамаков. А все по правильным идеологическим полочкам потом в их сознании аккуратно раскладывал Химик.

У меня же были свои учителя. И свои песни. Будучи убежденным комсомольцем, слушая рассказы